

ДМИТРИЙ ТРАВИН

КАК ГОСУДАРСТВО БОГАТЕЕТ...

*Путеводитель
по исторической
социологии*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

Дмитрий Яковлевич Травин
Как государство богатеет...
Путеводитель по
исторической социологии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67924077

Как государство богатеет: путеводитель по исторической социологии:

ISBN 978-5-93255-585-9

Аннотация

В этой книге Дмитрий Травин – научный руководитель Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге – рассказывает о важнейших научных теориях, объясняющих причины формирования современного общества. На страницах путеводителя по исторической социологии речь идет о том, почему одни страны богатые, а другие – бедные, почему в одних случаях развитие оборачивается разрушительной революцией, а в других – нет, почему демократия приходит на смену авторитарным политическим режимам, и о многих других вопросах, интересующих сегодня в России широкие круги интеллектуалов. Книга будет полезна всем читателям, желающим в простой и доступной форме получить представление о сложных научных теориях, объясняющих развитие обществ.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	13
Как возник наш мир	13
Бандиты у истоков цивилизации	21
Рациональный мир модерна	29
Когда Европа стала успешной	38
Великое расхождение континентов	47
Теорема успешного развития	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Дмитрий Травин
Как государство богатеет:
путеводитель по
исторической социологии

© Травин Д. Я., 2022

© Издательство Института Гайдара, 2022

Предисловие

Двести лет назад Александр Сергеевич Пушкин рассказал читателям про своего героя – Евгения Онегина, который «... читал Адама Смита / И был глубокий эконо́м, / То есть умел судить о том, / Как государство богатеет, / И чем живет, и почему / Не нужно золота ему, / Когда простой продукт имеет». Шотландский мыслитель Адам Смит уже тогда считался классиком экономической науки, слава которого прошла через всю Европу, дойдя даже до России. Остался он классиком и по сей день. Значение теории Смита не вызывает сомнений, однако все чаще мы обнаруживаем, что хорошее знание экономики никак не способствует ни хорошему экономическому развитию, ни росту богатств государства и населения.

За двести лет, прошедших с пушкинских времен, часто так бывало, что по какой-то причине вполне образованные правители той или иной страны на деле применяли совсем не те методы, которые считали нужным применить очень хорошо образованные экономисты. Правители при этом жили весьма неплохо. Друзья их тоже не бедствовали. Деловая элита более-менее приспосабливалась к ситуации. А вот к остальной части населения экономика поворачивалась задом.

Другая печальная история связана уже не с правителями

и их друзьями, а с этой самой «остальной частью населения». Часто случалось, что, несмотря на хороший рост валового продукта и успех, демонстрируемый многими другими экономическими показателями, в той или иной стране возникала вдруг революция. Значительная часть народа высказывала недовольство тем, как страна управлялась, хотя, кажется, жизнь людей становилась лучше, чем жизнь их отцов и дедов. А по итогам революции все вдруг начинали жить хуже: от старых правителей (если, конечно, их вообще оставляли в живых) до рядовых граждан. Лишь новые правители, поднявшиеся на революционной волне, часто преуспевали в подобной ситуации.

Правители и революционеры по разным причинам не обращают внимания на то, как государство богатеет с точки зрения последователей Адама Смита. Но сближает их общее стремление добиваться каких-то иных целей, нежели экономическое развитие страны. Поэтому и мы должны сегодня разобраться не только в том, что говорят о развитии экономисты, но также в том, как объясняют поведение правителей политологи, как объясняют поведение широких народных масс социологи и, наконец, в том, как ученые разных направлений понимают общую логику развития общества.

Сам я первую половину своей жизни был «экономом». Не таким, может, глубоким, как Евгений Онегин, но все же разбирающимся в том, как государство богатеет согласно учению Адама Смита. Но во второй половине жизни занялся

иной наукой – исторической социологией, в которой надеялся найти ответ на вопрос, почему «экономы» не могут объяснить нам многие возникающие в ходе развития общества проблемы. Ответ на вопрос, что такое историческая социология, будет чуть дальше, а пока я объясню другую не вполне понятную часть названия этой книги. Она представляет собой не научную монографию и не учебник для студентов, а нечто напоминающее именно путеводитель. Причем путеводитель для русскоязычного читателя, желающего за небольшой промежуток времени получить максимум информации на родном языке об интересующих его достопримечательностях.

Путеводитель – это первое, что попадает в руки пытливого путешественнику. Держа его в руках, он движется от одной достопримечательности к другой, постепенно формируя собственное мнение и обращаясь в дальнейшем за разъяснениями к дополнительной литературе. Похожую на путеводитель книгу получает сейчас читатель, желающий разобраться в том, как государство богатеет. Я постарался здесь дать краткий обзор максимально возможного числа интересных научных книг по исторической социологии, существующих в настоящее время на русском языке. Как хороших, так и тех, что дают с моей точки зрения плохие ответы на важнейшие вопросы, но по какой-то причине стали весьма популярными. Ознакомившись с моим путеводителем, читатель сможет сам разобраться в том, что из предложенного наборо-

ра стоит внимательно прочесть, а чем можно и пренебречь. При этом тот, кто пожелает двинуться дальше в научном поиске и по-настоящему профессионально изучить интересующий его вопрос, имеет возможность определить круг необходимого чтения по библиографиям книг, которые я здесь обзреваю.

Случается порой так, что, взяв в руки некий путеводитель, читатель с удивлением обнаруживает, что в той стране, которой посвящена эта книга, есть множество интересных мест, про которые не знают широкие массы туристов. Мне кажется, что с исторической социологией обстоятельства складываются похожим образом. В России часто даже не представляют, как много серьезных исследований сделали в этой области знаний зарубежные авторы. В России плохо понимают, насколько утвердилась на Западе та наука, которую у нас порой принимают за публицистику из-за ее «всеохватности». Надеюсь, мой путеводитель, затрагивающий лишь видимую русскоязычному читателю верхушку айсберга, поможет скорректировать сложившиеся представления и отнести к науке именно как к науке.

Путеводитель ни в коей мере не является заменителем путешествия. Он бывает полезен только в том случае, если вы лично странствуете, держа его в руках. Путеводитель краток. Он неизбежно многое упрощает, а кое-что, увы, и искажает. Хотя в этой работе я старался по мере сил искажений избежать, в полной мере добиться такого результата, скорее

всего, не удалось. Поэтому тот, кто, опираясь на мою работу, захочет вообще избежать дальнейшего чтения классиков, совершит ошибку. Нельзя сказать, что вы знаете Париж или Рим, если только почитали об этих городах, но не приехали туда лично. И точно так же нельзя сказать, что вы знаете Дугласа Норта или Иммануила Валлерстайна, если взглянули на их труды лишь через путеводитель по исторической социологии.

Путеводитель – это не научная монография, поскольку дает общий обзор интересующей нас проблематики, а не погружается глубоко в отдельную проблему. Путеводитель – это и не учебник, поскольку содержит не последовательное изложение проблем как таковых, а рассказ о достопримечательностях (важнейших книгах), встречающихся на нашем пути в исторической социологии. При этом путеводитель, хотя направлен, скорее, вширь, чем вглубь, может дать обзор лишь определенного ограниченного объема литературы. В данном случае я постарался включить в свой анализ подавляющее большинство важных книг, вышедших на русском языке и, значит, доступных широкому кругу интересующихся данной проблемой читателей, но сознательно не стал затрагивать те работы, которые не переведены и, следовательно, малодоступны. Ссылки на некоторые такие исследования зарубежных авторов читатель может при желании найти в тех моих книгах, которые представляют не путеводитель, а научную монографию.

У этого путеводителя не длинная, но важная история. Примерно пять лет назад я решил написать серию очерков о книгах по исторической социологии и предложил ее для публикации замечательному интернет-изданию Ecomomy Times, которое, с одной стороны, ориентировано на широкого читателя, интересующегося социальными науками, а с другой – позволяет своим авторам писать серьезные тексты, не гонясь за дешевой популярностью. Тем не менее мне поначалу представлялось, что редакция примет к публикации лишь десяток-другой текстов, а затем попросит перейти на иные темы. Но, к моему удивлению, интерес Ecomomy Times сохранялся долго, и я в общей сложности опубликовал там более полусотни статей, которые в сильно доработанном виде и составили сейчас эту книгу. Я от всей души благодарю руководство издания и особенно Андрея Колесникова за такую поддержку моей инициативы. Без его доброжелательного отношения и дружеского содействия эта книга, наверное, не была бы написана, поскольку возможность быстро знакомить читателя с новыми текстами сильно стимулировала меня к столь необычной работе, как написание путеводителя по исторической социологии.

В меньшей степени я благодарен Валерию Анашвили за возможность публикации этой книги в Издательстве Института Гайдара и за то множество переводов важнейших зарубежных работ по исторической социологии, которое он организовал в различных научных издательствах на-

шей страны. Российский читатель даже не представляет себе, сколь многим он обязан Валерию. Бесспорно, и мои знания в данной области были бы намного меньше, если бы я не имел возможности за последние десять-пятнадцать лет обращаться к изданиям, выполненным под руководством Анашвили. С удивительным чутьем и упорством он поставлял на российский книжный рынок именно те новинки, которые позволяли нам следить за важнейшими достижениями зарубежной исторической социологии.

Я должен, конечно, выразить признательность и моему петербургскому коллеге, профессору НИУ ВШЭ Андрею Заостровцеву, который еще в 2014 году опубликовал недооцененную, к сожалению, книгу «О развитии и отсталости: как экономисты объясняют историю?». Мы с ним неоднократно обсуждали эту работу, и, хотя я во многом гляжу иначе на объяснение истории, да к тому же привлек для своего анализа значительно больше авторов, чем Андрей, мой интерес к исторической социологии, бесспорно, пробуждался во время этих обсуждений.

Наконец, я хочу поблагодарить Отара Маргания, президента Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге (М-центра), и Владимира Гельмана, исполнительного директора М-центра, за возможность много лет заниматься моей любимой наукой. Отар создал М-центр и предоставил его сотрудникам максимальную свободу, а Владимир взял на себя все организацион-

ные хлопоты. Таким образом, при работе над этой книгой, как и при работе над другими исследованиями, я имел возможность полностью погружаться в интересующую меня проблематику, не отвлекаясь на другие дела.

И последнее. В путеводителе я лишь анализирую чужие теории, но не излагаю своих взглядов на модернизацию общества. Тот, кто захочет с ними познакомиться, может обратиться к другим моим книгам [Травин, Маргания 2004; Травин, Гельман, Заостровцев 2017; Травин 2018, 2019, 2020, 2021].

Глава 1

Великие расхождения

Как возник наш мир

*Ричард Лахман о том, для чего
существует историческая социология*

ПОЧЕМУ Россия отстала? Можем ли мы включиться в догоняющую модернизацию или это отставание навсегда? Преодолимо ли наше имперское наследие? Могут ли случиться новые революции и не опасно ли в этой связи «раскачивать лодку»? Зависит ли развитие от культуры, от институтов, от исторического пути, от наших географических, биологических особенностей или только от реформаторов?

Подобные вопросы не обсуждает только ленивый. Но при этом в российской науке сегодня существует явный перекос. Серьезные, профессиональные исследования этих проблем осуществляются редко. В науке они являются скорее исключением, чем правилом. Или, точнее, подобные исследования иногда становятся побочным продуктом научных работ историков, экономистов, социологов и политологов, но углубляются специалисты в эти «вечные» вопро-

сы как-то стыдливо. Боясь, по всей видимости, что коллеги упрекнут их в намерении объять необъятное.

Тем не менее, поскольку проблемы существуют реально и становятся, увы, с каждым годом все актуальнее, они все равно широко обсуждаются, но отдаются при этом на откуп дилетантам. Специалист, опасаящийся, что у него недостаточно фактов для широкомасштабного междисциплинарного исследования, добровольно уступает место писателю, кинорежиссеру или философствующему политику, которые вообще фактов не знают и знать, в общем-то, не хотят. Благодаря своему звучному имени они просто навязывают обществу концепции, которые даже научной фантастикой назвать трудно в связи с полным отсутствием в них признаков научности.

А тем временем наука, изучающая «вечные российские вопросы», существует и активно развивается за рубежом. Называется она историческая социология. То есть та социология, которая не играет в циферки безумно популярных у нас массовых опросов, а стремится делать выводы о развитии общества на основе комплексного анализа «долгого времени». И начать наш путеводитель по исторической социологии логично было бы с книги, рассказывающей об этой науке в целом: Ричард Лахман. Что такое историческая социология? М.: Дело, 2016. Известный американский социолог в этой небольшой книжке формулирует основные проблемы, стоящие перед исторической социологией, и показывает нам

в общих чертах, как их решают сегодня западные ученые.

Почему не социология и не история

Надо заметить, что Лахман весьма иронично относится к тому, во что превратилась за последнее время обычная социология, зарождавшаяся когда-то как историческая дисциплина.

Сперва мы рождаемся, и легионы демографов объясняют, почему нашим матерям в этот момент было 26,2, а не 25,8 лет. Мы узнаем о сексе и вступаем в половую жизнь, и тут являются социологи, чья память постоянно воскрешает их подростковые годы и которые занимаются исследованием вопросов потери девственности или каминг-аута гомосексуалов. Во взрослом возрасте нас ждут криминологи, чтобы поведать нам, кто из молодых обитателей гетто обчистит нас на улице, а кто станет «ботаником» в своей захудалой городской школе. Социологи медицины расскажут нам, почему на старости лет нас будут пичкать избыточным количеством лекарств и выставять чрезмерные счета. В большинстве своем эта исследовательская деятельность аисторична и не предполагает использования сравнительных методов, сосредотачиваясь на последних пяти минутах жизни в Соединенных Штатах [Лахман 2016: 17–18].

Про последние пять минут жизни в России можно сказать,

наверное, то же самое. Сегодня мы получаем все больше узкоспециализированной информации о нашей стране, но по-прежнему блуждаем в потемках при попытке понять суть того исторического пути России, который привел нас через века именно в такое общество.

Иронию Лахмана (наряду с моим дополнением) не следует воспринимать как отрицание важности исследований этих пяти минут, но, скорее, как предостережение от ухода в крайность. Грустно, когда целая наука занимается вопросом, при каких обстоятельствах грабят на улице отдельного человека, игнорируя вопрос, при каких обстоятельствах происходят революции, разоряющие целое общество. Более того, западные ученые, в принципе, могут, наверное, позволить себе игнорировать подобные проблемы, поскольку перед их странами они – вроде бы – уже не стоят. Но игнорирование исторической социологии, или по крайней мере малый интерес к ней, в российской науке выглядит весьма странно, если принять во внимание, что вопрос об опасности «цветных революций» различные политические силы трактуют сегодня в свою пользу, практически не ссылаясь ни на какие серьезные исследования.

Но, может быть, историческая социология лишь дублирует то, чем занимаются историки, а потому в ней нет особой потребности? С точки зрения Лахмана, история и историческая социология – это разные (хотя и сближающиеся) науки. Для историков каждое событие конкретно. Это опре-

деляется тем, как их готовят к научной работе в молодости и тем, как они привыкли вести свои исследования. У историков нет привычки работать с общими понятиями. Например, Французская революция для них уже тем отличается от Китайской, что произошла в другой стране и в другую эпоху [Там же: 24–25]. Историк легко приведет множество различий между революциями, сочтет, что все обобщения поверхностны и что они ведут не к научным исследованиям иного рода, а к публицистике. То, что для специалиста в области исторической социологии является попыткой ответить на актуальные вопросы, волнующие общество, для историка оказывается недопустимым упрощением проблемы. Естественно, историк может отойти от своей «конкретики» и погрузиться в историческую социологию, если заинтересуется соответствующими вопросами (и таких случаев трансформации научных интересов немало), но тогда ему придется использовать непривычные методы работы и, возможно, терпеть косые взгляды некоторых коллег.

От себя добавлю, что подобные проблемы испытывают и экономисты, если вдруг погружаются в историческую социологию, пройдя через экономическую историю. В такого рода исследованиях невелико значение математики, которой современная экономическая наука уделяет большое внимание. Экономист скептически смотрит на то, что не удастся математизировать. Историческая социология для него слишком описательна. Но она не может быть иной, хотя бы по той

простой причине, что в давние времена не имелось статистики, которая позволяет сегодня осуществлять расчеты, а косвенные количественные оценки минувших веков слишком неточны.

Долгий путь научного поиска

Историческая социология охватывает различные проблемы, но, думается, в ней существует внутренняя логика. Начинается все с вопроса о том, как и почему в мире вдруг возникает капитализм? Или конкретнее: существуют ли общие условия для возникновения рынка и демократии или у отдельных стран и цивилизаций – своя судьба? Нам трудно понять то, что происходит в России со времени Великих реформ императора Александра II, если мы не изучим, как шла модернизация в Англии, Франции, Германии или Испании. Поверхностный взгляд на проблему состоит в том, что на Западе рынок и свобода существовали всегда. А серьезный анализ со стороны исторической социологии позволяет понять, что же реально способствовало развитию тех стран, которые когда-то были не более развитыми, чем Россия.

Но вот, допустим, изучили мы возникновение капитализма. Однако нам ведь не все равно, возникает ли он сравнительно гладко, как в скандинавских странах, или же в череде кровавых революций, как во Франции. А вот другой аспект данной проблемы: наблюдается ли в ходе революций явное

движение вперед, как в Англии XVII века, или раздираемая противоречиями страна кружит на месте, как, скажем, Испания XIX столетия. В России часто спорят о том, стала ли наша революция 1917 года следствием общей неразвитости общества, заговора темных сил или же противоречий, возникших в ходе модернизации? Но те же самые вопросы обсуждались раньше и применительно к революциям, случившимся в других странах. Сравнительный анализ мирового опыта позволяет понять суть отечественных проблем.

Если в ходе революции происходит распад государства, то появляется вопрос о том, как возникает это государство и почему долгое время оно остается устойчивым, но вдруг рассыпается при определенных обстоятельствах. При прояснении данного вопроса мы можем обнаружить, что за самим словом «государство» в разных случаях кроются разные институты. Одно дело – империя. Другое дело – современное национальное государство, возникающее часто на развалинах старых империй. И вот выходит так, что для понимания возможностей мягкого развития капитализма (без революций и гражданских войн) мы должны обратиться к анализу долгой истории государственного строительства.

А обнаруживая, насколько связаны в процессе модернизации рынок, капитализм, революции и государство, мы сталкиваемся с почти неразрешимой в нашей стране научной проблемой. Рынок как таковой изучают экономисты. Капитализм как систему – социологи. Государство и револю-

ции – политологи. Сферы исследований жестко разделены. Но при анализе модернизации обособить их невозможно. Узкий характер исследований скорее исказит анализ, чем позволит получить научные результаты. И вновь получается, что без исторической социологии нам не обойтись.

Причины интересующих нас исторических перемен часто бывают сильно удалены от них как во времени, так и в пространстве. Например, успешные экономические преобразования последних столетий могут сильно зависеть от тех политических событий, которые происходили еще в Средние века. Причем совсем не от тех, которые бросаются в глаза при изучении школьного курса истории. Революции Нового времени могут не иметь прямой связи с крестьянскими восстаниями далекого прошлого, но определяться недавними экономическими сдвигами, международной обстановкой, распространением неортодоксальных идей и т. д. Распад империй может определяться не тем, что творится в центре, в непосредственном окружении императора, а теми колоссальными, но не слишком заметными изменениями, что происходят на имперских окраинах, где формируются нации. Путь научного поиска, связывающий причины и следствия, долог и нелегок. «Задача сравнительной исторической социологии состоит в том, чтобы проследовать этим путем» [Там же: 217]. Этим мы сейчас и займемся с помощью десятков выдающихся авторов.

Бандиты у истоков цивилизации

Парадоксальный взгляд

Франца Оппенгеймера

Книга немецкого профессора-социолога первой половины XX века Франца Оппенгеймера «Государство» (М.: RUSTATE.ORG, 2020) может шокировать человека, сформировавшегося в СССР или в современной России. Нас ведь всегда учили, что государство – это хорошо. Ну, пусть не всегда и не во всем оно идеально, если уж быть точным. В советской системе считалось, что феодальное или буржуазное государство обслуживает интересы господствующего класса и лишь государство социалистическое в полной мере стоит на страже интересов каждого человека. Но сегодня, когда социальный строй у нас вполне буржуазный, идеология откровенно стала государственнической. Всякое потрясение государственных основ опасно, уверяют нас идеологи. Распад государства – это хаос, это угроза революции, угроза стабильности и процветанию. Такие строители государства российского, как Владимир Святой, Александр Невский, Петр Великий и даже наш «дорогой товарищ Сталин» возносятся на пьедестал. Именно эти исторические персонажи рассматриваются как главные герои, обеспечившие нашей стране правильную веру, победоносную армию и неуклонное рас-

ширение государственных границ.

Отнимать и делить

И что же мы узнаем теперь из книги Оппенгеймера? Мы узнаем, что государство, оказывается, в далеком прошлом формировалось вовсе не ради стабильности и процветания народов, а для того, чтобы всевозможным бандитам тех давних времен (пусть даже они мягко именуются кочевниками) проще было грабить трудящееся население. Мы узнаем, что для человека существует лишь два способа обретения благосостояния. Первый – это трудиться, зарабатывать, копить, обретать собственность... Второй – это отнимать то, что заработано у честных тружеников. Первый способ можно назвать экономическим, второй – политическим [Оппенгеймер 2020: 76–77]. Именно для второго способа обретения благосостояния и существует с незапамятных времен государство. Причем в отличие от марксистов Оппенгеймер дает понять, что оно не является просто инструментом господствующего класса, с помощью которого эксплуататоры эксплуатируют трудящихся. Государство опасно как для трудящихся, так и для собственников, инвестирующих капиталы в производство. Поскольку люди, стоящие за государством, могут отнимать всё у всех. Они являются грабителями по отношению к обществу в целом. Причем, наверное, даже в большей степени по отноше-

нию к имущим слоям населения. Ведь у тех можно больше отнять денег и собственности, чем у слоев неимущих, которым, как уверяли в свое время Маркс с Энгельсом, нечего терять, кроме своих цепей.

Отнимать можно по-разному. В давние-давние времена кочевники своими набегами полностью уничтожали имущество оседлых производителей. Грабили, что могли... А что не могли, сжигали и разрушали. Часть награбленного продавали для того, чтобы купить еды, коней и оружия, становясь таким образом еще сильнее и возобновляя грабительские набеги ради получения новых денег и нового имущества для продажи.

Но во времена просто давние грабители стали превращаться в государственников, которые вместо того, чтобы уничтожать всё на своем пути, уничтожали лишь малую долю, а остальное сохраняли, предоставляя побежденным народам возможность трудиться и платить дань своим господам [Там же: 84–89].

Наконец, во времена сравнительно не столь уж давние труженики, торговцы и организаторы производства настолько привыкли к постоянному взиманию с них налогов, что даже перестали рассматривать государство в качестве разбойника, отнимающего их деньги, и сами (добровольно) стали платить налоги, полагая, будто эти платежи идут на их же собственные нужды: на обеспечение стабильности и процветания, на поддержку малоимущих, на охрану рубежей от вра-

гов, мечтающих захватить нашу богатую и обильную родину [Там же: 104].

Выигравшие и проигравшие

Конечно, нельзя говорить сегодня, будто государство – это абсолютное зло, будто оно лишь грабит население страны, не давая ему ничего взамен. Некоторые группы населения от государственной деятельности даже выигрывают: для них бюджетные поступления превышают налоги. Но при этом другие группы проигрывают: они отдают государству значительно больше, чем сами от него получают. А иногда они не получают практически ничего, отдавая при этом в виде налогов довольно большую долю своих доходов. При этом риторика государственных деятелей часто такова, что, послушав их, можно подумать, будто бы даже эти проигрывающие группы населения кормятся за счет государства.

Раскрывая историю происхождения государства от бандитских набегов на древние цивилизации, Оппенгеймер существенным образом смещает акценты в наших представлениях о соотношении власти и общества. Можно даже сказать, пользуясь любимым образом некоторых классиков марксизма, что он ставит эти представления с головы на ноги. Он помогает увидеть государство таким, какое оно есть.

Нормальное мышление для человека, проникшегося государственной идеологией, таково: государство – это благо,

но есть пока в его деятельности еще отдельные недостатки, связанные с недобросовестными чиновниками. Поэтому человек ищет хороших чиновников, а не найдя таковых, уповает на «доброго царя», способного навести порядок в стране. Представление, будто бы «добрый царь» сам является создателем системы, из которой прут сплошные недостатки, а благо почти не видно, пугает такого человека и заставляет принимать защитную стойку.

Нормальное мышление для человека, прочитавшего книгу Оппенгеймера, будет совсем иным: государство работает на себя, «государевы люди» чтут прежде всего свои собственные интересы; и лишь в той мере, в какой они вынуждены считаться с давлением общества, эти «государевы люди» будут возвращать обществу часть средств, забранных у него через налоги. В давние времена никакой возможности выразить свои интересы у общества не имелось. Но в конституционном государстве ситуация становится иной. Можно не уповать на «доброго царя». Можно добиться перемен, загоняя государство в угол, где ему и следует сидеть.

Человек, проникшийся государственной идеологией, выглядит просителем перед властями. И он рад, если хоть что-то удастся у государства добыть: маленькую пенсию, бесплатный прием у терапевта, скидку с коммунальных платежей. Человек, прочитавший Франца Оппенгеймера, будет размышлять по-другому: государственные служащие живут на налоги, которые мы платим, а потому они достойны что-

то получать лишь в том случае, если эффективно распоряжаются нашими бюджетными средствами. Не работают нормально — пусть выметаются.

У истоков исторической социологии

Думается, что постановка проблемы государства Францем Оппенгеймером закладывает основы подавляющего большинства современных исследований в области исторической социологии. Методология этого автора помогает понять, почему одни страны богатые, а другие бедные, почему разного рода революционеры так стремятся переустроить мир на свой лад и почему в результате их упорной «созидательной» деятельности бедствия народов столь часто усиливаются. Оппенгеймер, конечно, не мог сто с лишним лет назад сам проанализировать всё, что нас нынче волнует. Но он предложил схему, в которую вписываются многие современные размышления о соотношении насилия и созидания. Нынешняя историческая социология наполняет конкретным содержанием давние размышления немецкого профессора, предлагая для анализа значительно больше фактов, чем собрано в сравнительно тонкой книжке Оппенгеймера. Если в начале XX века эта работа могла затеряться на фоне популярных марксистских изысканий, то нынче самое время читать не «Манифест Коммунистической партии», а «Государство».

Вопрос о происхождении государства чрезвычайно важен. Его изучение сильно прочищает нам мозги. Мы постепенно начинаем разбираться в том, что здесь главное, а что случайное. Мы начинаем понимать, в чем состоит основная деятельность государства, а в чем – побочная. Более того, серьезный анализ истории камня на камне не оставляет от популярных нынче в России представлений, будто существуют «правильные» и «неправильные» народы, то есть такие народы, которые всегда хорошо развиваются, контролируя свое государство с помощью демократических механизмов, и такие – которые стоят на месте, поскольку государство у них хищническое. «Гипотеза об одаренности какой-либо конкретной расы, – справедливо отмечает Франц Оппенгеймер, – не использовалась нами, и мы в ней не нуждаемся. Как говорил Герберт Спенсер, это самая глупая, из всех мыслимых попыток, попытка построить философию истории» [Там же: 201].

Подобное утверждение очень важно для сегодняшней России, где все больше людей, понимающих, что так дальше нельзя жить, впадает в апатию и приходит к мысли, будто бы наш народ вообще «не одарен» ни экономически, ни политически. Изучение книги Оппенгеймера показывает, что проблемы-то – совсем в другом.

Не следует, конечно, идеализировать автора. Наверняка, многие читатели найдут в этой книге положения, кажущиеся сомнительными. Мне, например, сомнительным показался

тезис, что поскольку в перспективе «государство останется без классов и классовых интересов, то бюрократия будущего действительно сможет достичь того идеала беспристрастного блюстителя всеобщих интересов, к которому в настоящее время она с таким трудом упорно стремится. „Государством“ будущего будет „общество“, регулируемое самоуправлением» [Там же: 233–234]. Думается, что Оппенгеймер здесь идеализировал бюрократию и слишком оптимистично исключал из анализа будущего различные групповые интересы, которые станут влиять на ее поведение. Возможно, ему хотелось, чтобы в конечном счете отмерло государство с его многочисленными негативными чертами. Однако подобные ожидания в свете наших сегодняшних знаний о развитии общества выглядят не слишком реалистично.

Впрочем, Оппенгеймер ценен не ошибками в предсказании будущего, которое нам всегда хочется видеть лучшим, чем на самом деле, а профессиональным анализом прошлого, помогающим понять мироустройство. И еще он ценен тем, что был хорошим учителем. Людвиг Эрхард – один из самых ярких экономистов-реформаторов истории Европы – учился именно у Оппенгеймера. Два нестандартных мыслителя нашли друг друга и создали весьма плодотворный союз. Так что нынешняя развитая германская экономика – детище профессора Эрхарда – во многом обязана и профессору Оппенгеймеру.

Рациональный мир модерна

Что же на самом деле писал Макс Вебер

Трудно выделить группу классиков, заложивших основы современной исторической социологии. Левые ученые разойдутся во взглядах с правыми, кого считать «отцами-основателями». А европейцы могут не согласиться в этом вопросе с американцами. Однако, скорее всего, подавляющее большинство все же сойдется в том, что важнейшей фигурой для нас является немецкий социолог Макс Вебер с его книгой «Хозяйство и общество» в 4 томах; М.: Изд. дом ВШЭ, 2016–2019).

Наверное, большинство образованных людей слышали это имя, даже если не сталкивались с социологией напрямую. Но среди тех, кто слышал, Вебер слывет, в первую очередь, автором книги «Протестантская этика и дух капитализма» (Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990). Ключевые положения «Хозяйства и общества» часто приписываются «Протестантской этике...», поэтому современный «масовый Вебер» весь состоит из ошибок восприятия, в которых надо разобраться, прежде чем выделить то главное, на чем основана историческая социология.

Этика и дух

Важнейшая проблема Вебера состоит в том, что он дал своей знаменитой книге несколько эпатажное название, которое и по сей день привлекает к ней внимание широкой публики, но в то же время вызывает критику со стороны большого числа тех, кто кроме названия ничего не прочел, а иногда довольствуется слухами о том, что якобы написано в этой книге. Подобная судьба часто постигает авторов удачных названий. В последние десятилетия много нелепостей говорилось о книгах Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории», Самюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций» и даже Томаса Пикетти «Капитал в XXI веке». Их критики порой полагают, будто Фукуяма утверждал, что мир перестал развиваться, Хантингтон призывал мочить другие цивилизации, а Пикетти является ортодоксальным марксистом. Но мы сейчас об этих авторах говорить не будем: вернемся к Веберу.

Выделим несколько ключевых пунктов критики со стороны людей, не читавших «Протестантскую этику...». Как ни странно, именно на эту критику приходится обращать больше всего внимания, поскольку она всегда на слуху даже в научных кругах, тогда как настоящие дискуссии привлекают внимание лишь узкого круга.

Чаще всего Веберу достается за то, что он якобы выво-

дид возникновение капитализма *только* из протестантизма. Но на самом деле он специально написал:

мы ни в коей степени не склонны защищать столь нелепый доктринерский тезис, будто «капиталистический дух» <...> мог возникнуть только в результате влияния определенных сторон Реформации, будто капитализм как хозяйственная система является продуктом Реформации. <...> Мы стремимся установить лишь следующее: играло ли *также* и религиозное влияние – и в какой степени – определенную роль в качественном формировании и количественной экспансии «капиталистического духа» и какие конкретные стороны сложившейся на капиталистической основе культуры восходят к этому религиозному влиянию [Вебер 1990: 106].

Иногда Вебера критикуют за то, что он якобы «не увидел» капитализма в католическом обществе XII–XV веков. Однако на самом деле он был прекрасно образован и, конечно, писал в своих книгах об этом обществе, о его успехах в экономике. А тезис о роли протестантской этики состоит совершенно в другом. Дело в том, что рыночное хозяйство (и особенно взимание процентов по ссудам) в ранней католической Европе, да и вообще во всех этических учениях докапиталистической эпохи, просто «терпели, рассматривая либо как этически индифферентное явление, либо как печальный, но, к сожалению, неизбежный факт» [Там же: 79]. Неудивительно, что уважающий себя человек часто хотел

уйти из бизнеса, вложив заработанные там деньги в землю и титулы. Значение протестантской этики, появившейся в XVI столетии, состоит в том, что ее приверженцы оказались воодушевлены своей верой в Бога не на уход от мира (как католические монахи) и не приобретение титулов (как знать), а на достижение успеха в будничной жизни – в труде и предпринимательстве.

Как ни странно, у Вебера есть немало поклонников, не читавших его знаменитой книги. Они, в отличие от критиков, очень любят говорить, что настоящий успех в экономике возможен только у протестантов, а потому Россия, в частности, всегда будет отсталой. Но на самом деле уже в эпоху Вебера (а ныне тем более) всякая связь между протестантской этикой и духом капитализма была утрачена, о чем сам автор прямо написал: «капиталистическое хозяйство не нуждается более в санкции того или иного религиозного учения» [Там же: 91]. И действительно, мы сегодня видим, что европейские католические страны в среднем достигли того же уровня развития, какого достигли и протестантские, что лидерами экономического роста стали восточные государства, среди которых лишь в Южной Корее силен протестантизм, и что православные люди вполне могут быть хорошими предпринимателями и работниками, если им не мешает власть.

Название книги Вебера не только эпатажное, но и не вполне точное по отношению к собственному содержанию. Это

порой трудно заметить даже тому, кто ее читает. Автор проводит по ряду пунктов принципиальное различие между лютеранской и кальвинистской этикой. Связь между религиозной жизнью и земной деятельностью, согласно Веберу, близка у католиков и лютеран, но совершенно отлична у кальвинистов. Поэтому книга, по сути дела, прослеживает связь между кальвинистской этикой и духом капитализма. Ошибается тот, кто сегодня выводит экономические успехи скандинавских стран, государств Балтии (Эстонии, Латвии) или восточногерманских земель из теории Вебера. Она, скорее, относится к некоторой части голландцев, англичан и швейцарцев, а также к значительной части переселенцев, уехавших из Европы в Америку в поисках места для свободного исповедания истинной веры – так называемого града на Холме.

Творчество и смерть

Таким образом, в «Протестантской этике» Вебер решал «частный вопрос», который из-за плохого знания наследия классика стал в глазах многих людей основным. А если попытаться выразить одним словом то, чем Вебер действительно занимался всю свою жизнь (и что проходит красной нитью по большей части его трудов), так это проблема рационализации человеческой деятельности. О рационализации немало сказано и в «Протестантской этике», но в основном она исследуется в «Хозяйстве и обществе». Эта книга совсем

не эпатажная. Более того, к сожалению, она почти не пригодна для массового просвещения. Она составлена после ранней смерти Вебера из целого ряда его неопубликованных текстов.

Вебер писал как будто бы для самого себя, а не для читателя (возможно, именно так и было!), а потому не выделял главное. Главное ведь всегда находится в голове у автора и не требует дополнительной фиксации, а на бумагу ложатся лишь размышления, которые ему хочется зафиксировать, структурировать и хорошенько проанализировать. Трудно представить, когда тебе немногим за пятьдесят, что жизнь скоро кончится и надо успеть подвести ее итоги. Кажется, будто время еще есть и можно прочесть еще десяток-другой книг, тщательно продумывая все свои мысли. Кажется, что можно отложить еще на годик-другой подготовку того окончательного текста, который будет хорошо понятен читателю. Но тут приходит смерть и человечество получает лишь тексты, написанные до нее. Да и то если кто-то из близких соберется подготовить их к печати.

Поэтому «Хозяйство и общество» нужно уметь читать. Скажем, в четвертом томе российского издания содержится истинная классика – социология господства, откуда идут все наши представления о власти и легитимности. Здесь же – блестящий очерк о том, что такое западный город и почему он столь много дал человечеству. А вот в первом томе не меньше половины объема занимает конспект автор-

ских мыслей об экономике, из которых разве что специалист сможет нечто полезное для себя извлечь. Во втором томе доминирует социология религий, демонстрирующая феноменальную эрудицию Вебера: читаешь ее и чуть не плачешь, поскольку хочется больше фактов, примеров, пояснений. А в третьем томе – социология права, изложенная автором, по всей видимости для себя, причем столь хаотично, что, по словам одного американского правоведа, это лишь «гигантская куча-мала из идей и наблюдений <...> все свалено вместе на случайный манер так, что читатель переходит от одной темы к другой, с одного уровня обобщения на другой, даже не совсем понимая, есть ли связь между ними» [Вебер 2018, т. 3: 12].

Подвиг вдовы

Впрочем, если предельно просто изложить суть идеи Вебера, то она такова. Наш современный мир возник из мира традиционного. Почему? У разных авторов есть много разных концепций, но Вебер полагает, что именно благодаря рационализации.

В силу различных причин люди в какой-то момент начинают действовать не по традиции, а по зрелом размышлении. Так возникает предпринимательство. Так возникает и бюрократия. Так возникает даже Церковь, если под ней понимать организацию, а не харизматичных, полубезумных проповед-

ников. По сути дела, именно от концепции рационализации Макса Вебера происходит современная теория модернизации. В отличие от разного рода теорий, стремящихся убедить нас в зависимости развития от культуры того или иного народа, теория модернизации показывает, что в основе преобразований лежит свойственное любому человеческому обществу стремление поступать рационально.

Интересно наблюдать, как в «Хозяйстве и обществе», где нет даже специального раздела о рациональности, это понятие всплывает на каждом шагу, постоянно вылезает из любого рассуждения, просачивается сквозь строки, посвященные, казалось бы, чему-то совершенно иному. Возможно, проживи Макс Вебер еще десяток-другой лет, наука имела бы сегодня абсолютно рационально выстроенную книгу о рациональности. Но жизнь не всегда рациональна. Вебер умер в 56 лет от воспаления легких в тот год, когда по всей Европе бушевала «испанка».

Его творческое наследие нам подарила вдова – Марианна Вебер. Она прошла с ним долгий жизненный путь, была рядом в период тяжелейшего психического срыва, поразившего Макса в еще сравнительно молодом возрасте, когда блестящий мыслитель годами не мог ни мыслить, ни писать, ни выступать с лекциями. Она выволакивала его из этого кризиса, как могла, ставила на ноги, возвращала науке и очень мало за это требовала [Вебер 2007]. А когда он умер, выполнила с лихвой все то, что он мог бы с того света потре-

бовать от нее.

Когда Европа стала успешной ***Кеннет Померанц и его теория*** ***«Великого расхождения»***

Хотя историческая социология началась, конечно, не с книги американского историка Кеннета Померанца «Великое расхождение: Китай, Европа и создание современной мировой экономики» (М.: Дело, 2017), ее название фактически обозначило одну из ключевых проблем науки, существовавшую задолго до 2000 года – года, когда это исследование впервые вышло в свет на английском языке. Суть проблемы в том, почему уровень развития экономики и уровень жизни на Западе оказался с определенного времени значительно выше, чем на Востоке и на Юге.

Роковой XVIII век

По сути дела, именно загадку Великого расхождения между успешной Европой с одной стороны и отставшими от нее знаменитыми цивилизациями прошлого с другой мы пытаемся сегодня решить в первую очередь. Для того, в частности, чтобы понять, имеет ли отставание России неустраняемые культурные причины или связано лишь со спецификой нашего сложного исторического пути.

Проще всего было бы решить загадку, утверждая, будто Европа постоянно была впереди планеты всей. За счет афинской демократии, столь контрастирующей с восточным деспотизмом. За счет английской Великой хартии вольностей, наделившей народ правами. За счет римского права, обеспечивающего Западу частную собственность в отличие от Востока, где тысячелетиями царила патримониальная система, отдающая тиранам безграничную власть над имуществом подданных. Такого рода истолкования часто встречаются даже в научной литературе. Но как многие простые объяснения сложных проблем, они неверны.

Заслуга Кеннета Померанца, долгое время профессионально изучавшего Китай, состоит в том, что он сумел четко определить реальный исторический период, когда произошло великое расхождение. Это отнюдь не глубокая древность. И даже не эпоха великих географических открытий, когда европейцы за счет использования огнестрельного оружия уже могли одерживать победы над представителями иных цивилизаций. Это – середина XVIII века [Померанц 2017: 12]. Лишь 250–300 лет назад отдельные европейские страны резко ускорили свое экономическое развитие. В итоге там повысился уровень жизни. Люди стали лучше питаться и больше потреблять. Со временем начали путешествовать. В конечном счете они укрепили здоровье за счет хорошей медицины и оснастились бытовой техникой.

Современный образ жизни отсутствовал во всех странах

мира еще сравнительно недавно. Включая Европу и Китай. Но при этом с какой стороны мы ни зашли бы в Китай далеких веков, придется признать, что он развивался тогда ничуть не хуже, чем Европа. Или, точнее следовало бы сказать, что такие разные по своему историческому пути регионы мира, как Западная Европа, Центральная Европа, Россия, Китай, Индия, Ближний и Средний Восток, до начала Великого расхождения были в равной степени обществами отсталыми, то есть сильно не похожими на нынешний Запад. Большие различия в культуре между ними, конечно, всегда имелись, но в экономическом и политическом плане расхождение было не таким уж значительным в сравнении с различиями между всеми цивилизациями прошлого в целом и современным западным миром.

Европа и Китай

В Китае, как и в Европе, имелась, естественно, рыночная экономика. Хотя и несовершенная. Кеннет Померанц даже утверждает, что «Китай XVIII века (а возможно, и Япония) был ближе к неоклассическому идеалу рыночной экономики, чем Западная Европа» [Там же: 139]. При этом в Китае существовали ограничения на распоряжение собственностью, но они ведь и в Европе имелись [Там же: 140–149]. В Китае был период крепостничества, как в России. Однако без личной зависимости работника в определенную эпо-

ху не обходилось подавляющее большинство европейских стран [Там же: 153–160]. Но в то же время «у китайских крестьян по сравнению с европейскими было гораздо больше свободы заниматься производством ремесленных изделий на коммерческой основе, продавая их конкурирующим между собой торговцам» [Там же: 166].

Как мы знаем, Макс Вебер обратил в свое время внимание на постепенную рационализацию жизни европейцев. В сфере коммерции, в частности. Европейцы уже в Средние века использовали векселя, бухгалтерский учет, разные формы объединения капиталов и страхования рисков. Но Померанц отмечает, что китайская бухгалтерия была не менее совершенной. И крупные предприятия в Китае имелись. И формы аккумуляирования капиталов там существовали [Там же: 291–296].

Таким образом, европейцы не имели преимуществ в производительности труда и, следовательно, по мнению автора книги, «представляется маловероятным, чтобы общий уровень применявшихся ими технологий был выше уровня технологий, использовавшихся в других регионах мира [Там же: 97–98]. Более того, иногда он оказывался даже ниже: «как правило, там, где оружие не было главным козырем, европейцы проигрывали конкуренцию китайцам, гуджаратцам и другим азиатским торговцам или же объединялись с ними по крайней мере не реже, чем брали верх в конкурентной борьбе» [Там же: 315].

Похожими были также структура и объемы потребления этих двух цивилизаций до начала Великого расхождения. Никак нельзя сказать, будто бы китайцы веками бедствовали, тогда как европейцы постоянно процветали. Соответственно, и «продолжительность жизни населения разных частей Азии, судя по всему, как минимум не уступала показателям Западной Европы» [Там же: 86]. Китайцы на протяжении веков не уступали европейцам по стремлению трудиться, поэтому нет оснований для противопоставления «инволюционного» Китая «трудолюбивой» Европе [Там же: 182]. Примерно одинаковым был и доступ к капиталу. Тем более что для начала промышленной революции XVIII века больших капиталов вообще не требовалось. А требовалось что-то совсем другое. То, что обнаружилось в Европе, но не в Китае. В общем, констатирует Кеннет Померанц, развитие в разных частях планеты осуществлялось довольно ровно, к серьезному экономическому прорыву «не шел ни один регион мира: никто из основных специалистов конца XVIII века, включая европейских, ничего подобного не предполагал» [Там же: 354].

Тот факт, что Великое расхождение представляет собой сравнительно недавний феномен, принципиально важен для всех отстающих стран, включая Россию. Если не существует фатального тысячелетнего отставания, значит, можно догонять и даже перегонять тех, кто по каким-то причинам оказался лидером модернизации. Беды отстающих стран

не заложены в генах населяющих их народов, не заложены в национальной культуре, не заложены в природе.

Правда, если мы будем лишь постоянно болтать о своем величии, но на практике станем вести деструктивную экономическую политику, то отстанем, конечно же, еще больше. Однако если возьмемся за ум и если объективные обстоятельства будут нам способствовать, то есть возможность переломить «судьбу».

Заокеанские земли

С чем же все-таки связан феноменальный успех Европы? На данный вопрос в науке дается много разных ответов, и они будут в этой книге проанализированы. Но у Померанца есть свой весьма нестандартный ответ, не совпадающий в основном с позицией других авторов. С одной стороны, этот ответ явно вписывается в не слишком популярную ныне левую научную традицию, обращающую внимание на проблемы эксплуатации. С другой – он обращает внимание все же на реальные исторические события XVIII века, а не исходит из старых схоластических теорий.

Понятно, что успех Европы определялся промышленной революцией, благодаря которой резко возросла производительность труда в некоторых отраслях экономики. Важно обратить внимание на то, какие конкретно это были отрасли. Началось все в Британии с хлопчатобумажной промышлен-

ности. Новые дешевые ткани изготавливали значительно эффективнее, чем старые шерстяные или льняные. Изобретения английских мастеров позволили одеть всю страну с помощью хлопка, а также наладить массовый экспорт тканей за рубеж. Однако откуда взялся хлопок?

Специфика британской колониальной системы состояла в том, что она обладала землями, чрезвычайно удобными для его выращивания. И даже когда на этих землях после американской революции возникли южные штаты США, кооперация между заокеанскими аграриями и английскими промышленниками не прервалась. Только в рамках подобной кооперации смогла совершиться промышленная революция. В 1815 году Британия ввезла более 100 миллионов фунтов произведенного в Новом Свете хлопка, а к 1830 году данный показатель составил 263 миллиона [Там же: 463].

Если бы Британия имела иные земли – скажем, те, на которых целесообразно было бы выращивать сахарный тростник, кофе, какао или бананы, – английская промышленность могла бы остаться без сырья, хотя плантаторы, возможно, наживались бы на своих товарах не хуже, чем на хлопке. А если бы так называемый американский юг оказался вдруг колонией какой-то другой европейской страны, то, возможно, именно в ней, а не в Англии, произошла бы промышленная революция.

В общем, значение колониальной системы для резкого ускорения индустриального развития трудно переоце-

нить. Международный рынок XVIII века не был свободным. На нем далеко не всегда можно было за деньги купить товар по рыночной цене. Скорее, можно говорить, что действовал принцип: «кто первым встал – того и тапочки». Кто захватил земли, тот их и эксплуатирует в своих интересах, блокируя стремление конкурентов из иных стран воспользоваться чужими ресурсами.

Можно обсуждать, конечно, вопрос, насколько пригодны были для выращивания хлопка колонии, принадлежавшие Франции, Испании или России. Возможно, эти страны тоже при наличии должного объема промышленного спроса смогли бы обустроить необходимые плантации. Но вообще без колоний получить сырье в условиях XVIII века, по мнению Померанца, вряд ли было возможно. Сырье для промышленности той эпохи являлось своеобразным «узким местом». Кто не добыл его, тому не помогут ни совершенные технологии, ни емкие рынки.

Правда, проблема доступа к сырью – это только часть большой проблемы Великого расхождения. Наличие удобных плантаций в колониях не объясняет большого числа важных технических изобретений, осуществленных именно в XVIII веке. И также не объясняет того, почему изобретатели были европейцами. А самое главное – не объясняет, почему именно английские предприниматели столь успешно изобретения внедряли и, соответственно, формировали широкий спрос на поставки хлопка. Для ответа на эти во-

просы следует обратиться к иным исследованиям в области исторической социологии, о которых у нас пойдет разговор в дальнейшем.

Великое расхождение континентов

Джаред Даймонд показывает, где было сытно с давних времен

Популярная книга Джареда Даймонда «Ружья, микробы и сталь» (М.: АСТ, 2010) не вполне вписывается в эту книгу, анализирующую крупнейшие работы по исторической социологии, поскольку автор исследует в ней слишком давние события. Вопрос о том, где и как в истории человечества возникло производство продовольствия, казалось бы, слабо связан с такими интересующими меня проблемами, как причины экономического роста или революций Нового времени. Но во-первых, Даймонд, фактически рассказывает нам в своей книге о Великом расхождении далекого прошлого, а во-вторых, повествуя о событиях, происходивших десятки тысяч лет назад, дает столь удачный подход к исследованию, что он помогает лучше понять современность.

Будет хлеб – будут и песни

Когда мы размышляем, почему возникло некое социальное явление, то обычно ищем, кто его придумал, или по крайней мере какова была рациональная причина его возникновения. Даймонд же, рассказывая о том, почему

в некоторых местах планеты возникло производство продовольствия, поступил иначе. Он вывел на первый план географию и показал, как много разных условий сходится вместе для того, чтобы люди стали выращивать зерно или разводить домашний скот. «Журналисты часто просят авторов, – написал Джаред Даймонд, – уже в прологе сформулировать содержание их объемистых трактатов в одном предложении. Для этой книги оно у меня сформулировано: „История разных народов сложилась по-разному из-за разницы в географических условиях, а не из-за биологической разницы между ними самими“» [Даймонд 2010: 29].

Если от одной фразы перейти к одному абзацу, то получается вот такая картина. Тот народ, которому удастся осуществить одомашнивание животных и растений, получит много пищи, а благодаря этому будет плодиться и размножаться. Возникнут оседлые и передовые в техническом отношении общества, у которых экономика начнет прогрессировать. А это, в свою очередь, породит письменность, стальное оружие и империи. География предопределила, что все это возникло в Евразии, и лишь позднее – или никогда – на других континентах [Там же: 111]. Более того, внутри Евразии условия тоже были настолько неоднородны, что самостоятельное производство продовольствия возникло лишь в нескольких регионах, тогда как жители других регионов либо заимствовали опыт пионеров, либо были вытеснены ими со своих привычных мест обитания [Там же: 126].

Ну а если абзац развернуть в целую книгу, то возникнут и объяснения связи истории с географией у разных обществ. Далеко не все дикие растения и животные вообще пригодны для доместикации. Не во всех климатических условиях можно разводить даже тех, которые пригодны. Не во всех направлениях могут легко распространяться те аграрные инновации, которые люди смогли обеспечить в отдельных местах. И вот когда мы смотрим, какое большое число факторов разного рода должно в конечном счете сойтись для того, чтобы у нас возникло сельское хозяйство, то понимаем, насколько это сложный процесс. Его невозможно спланировать или даже спрогнозировать. Только тысячелетия естественного развития приводят к тому, что люди в одних местах планеты добиваются успеха, а в других нет. Необходимость схождения множества факторов для продовольственного успеха Джаред Даймонд выразил одной фразой, слегка перефразировав Льва Толстого: «Все одомашниваемые животные похожи друг на друга, каждое неодомашниваемое животное не одомашниваемо по-своему» [Там же: 198].

В итоге получилось, что, например, в определенных районах юго-западной Азии (так называемый Плодородный полумесяц) сошлись разные позитивные для производства продовольствия обстоятельства, а в Новом Свете не было одомашнено ни одного животного, способного тянуть за собой плуг [Там же: 159, 169–179].

«Одомашнивание» Европы

Примерно так же, как в случае с формированием продовольственной базы человечества, мы должны размышлять, если хотим понять, почему за последние столетия Запад стал успешен в экономике и политике. Мы вряд ли что-то поймем, если постараемся исходно выделить какую-то важную черту современного Запада (политическую свободу, экономическую эффективность, христианскую веру и т. д.), а затем попытаемся показать, как эта самая черта обеспечила модернизацию. На самом деле успех Запада стал следствием сочетания множества разных обстоятельств, некоторые из них мы сейчас более-менее понимаем, а о значении других, пожалуй, до сих пор не догадываемся.

В силу ряда причин быстрое экономическое и политическое развитие началось в Северной Италии в позднее Средневековье. Там сошлись обстоятельства, которых в совокупности не было нигде. Выгодная левантийская торговля, дополнительные барыши от крестовых походов и относительная независимость городов, связанная с борьбой между Империей и Святым Римским престолом. Проще говоря, итальянцы неплохо зарабатывали благодаря удачной конъюнктуре, а «силовики», которые могли бы состричь с них шерстку, оказались нейтрализованы друг другом.

Успехов Северной Италии, впрочем, хватило, чтобы со-

здать Ренессанс – богатые многонаселенные города с высокой культурой, – но не хватило, чтобы создать современное государство. Для государственного строительства вновь понадобился целый комплекс обстоятельств. Этот комплекс возник во Франции в начале Нового времени. Большая территория, оказавшаяся под властью одной короны уже в XV веке, позволила создать армию, финансируемую за счет налогов, взимаемых с многочисленного населения. Большая армия позволила завоевать еще больше территорий (давших дополнительные деньги королевской казне), а также подавить сопротивление усилению фискального бремени внутри страны.

Французских успехов хватило для того, чтобы сформировать Классическую эпоху – богатое государство, единый рынок, рационалистическую философию, – но не хватило для того, чтобы обеспечить технический переворот и экономический прорыв, сделавший Европу однозначным лидером мира. Для великого расхождения Запада со всеми другими цивилизациями понадобился еще один комплекс обстоятельств. И он возник в Англии Нового времени. Славная революция 1688 года обеспечила защиту собственности предпринимателя от наездов государства. Высокая цена рабочей силы стимулировала технический прогресс. Обширные американские колонии дали сырье для хлопчатобумажного производства – первой высокомеханизированной отрасли промышленности.

Даже этот краткий экскурс в историю показывает, сколько разных обстоятельств должно было сойтись в разное время в разных местах для того, чтобы мир модернизировался. Причем итальянский, французский и английский случаи были связаны между собой. Без коммерческого прорыва итальянских городов не возникла бы французская экономика, а без французского рационализма не случилось бы того технического переворота, который произошел в Англии. Поэтому серьезное исследование того, как на самом деле происходила модернизация, должно кропотливо, факт за фактом собирать десятки исторических обстоятельств, прослеживая медленный ход европейского развития. Казалось бы, взлетела Венеция в XV веке – вот он мировой лидер! Но нет, не сложился ряд обстоятельств и в XVII столетии про венецианцев никто не вспоминает, а все взоры обращены на «короля-солнце» Людовика XIV. Казалось бы, мир падет перед его мощью... Но вновь не сложилось, и в XIX веке всемирная промышленная мастерская возникает в Англии, куда устремляются доходы с разных сторон света. Именно для того, чтобы учесть весь этот исторический опыт, нужно знакомиться с десятками разных исследований, обозреваемых в этой книге.

Только репа – наша скрепа, а картофель – от Госдена

Похожим образом обстоит дело и с «узкими местами» модернизации. Даймонд показывает, что в огромной Евразии вероятность успешного развития была выше, поскольку на этом континенте инновации могли перемещаться из одного региона в другой. Но пересечь океан они в далеком прошлом не могли. Поэтому в Америку или в Австралию не попадали те достижения в производстве продовольствия, которые имелись у древних евразийцев. Похожие обстоятельства помогали (или мешали) ходу модернизации в последние столетия. В некоторых случаях достижения легко распространялись из одного места в другое, а в некоторых – застревали из-за трудностей коммуникации между странами, цивилизациями, религиями.

Например, успехи экономики и культуры итальянского Ренессанса быстро попали во Францию, Англию и Германию вместе с итальянскими купцами, заводившими там свой бизнес. В Польшу или Скандинавию эти успехи шли дольше и труднее из-за малой привлекательности европейской периферии для бизнеса флорентийцев и генуэзцев. А в Россию инновации практически не приходили вообще.

Дело в том, что до петровских времен заимствования с Запада у нас осложнялись тем, что это были заимствования

у «латынских еретиков», которые, как полагала Церковь, подрывали позиции православной веры. Петр сломил сопротивление Церкви, и заимствования в XVIII–XIX веках пошли у нас столь энергично, что Россия фактически стала своей в кругу европейских стран. Но при советской власти проблема вновь встала в полный рост. Только на этот раз мешала не православная вера, а марксистская идеология, объявлявшая «еретическим» все, что происходило в условиях капитализма. Идеологический барьер отсекал передовой зарубежный опыт, и мы опять отстали на десятилетия.

Завершая аналогии между производством продовольствия и модернизаций, можно сказать, что импорт институтов похож на освоение картофеля. На протяжении веков картошки у нас не было просто потому, что ее вообще не разводили в Старом Свете. Должно было сойтись много обстоятельств, чтобы европейцы открыли Америку. Должно было сойтись много обстоятельств, чтобы Россия «прорубила окно» в Европу. Должно было сойтись много обстоятельств, чтобы европейский опыт стал привлекателен для русских. И вот наконец картошка у нас. После преодоления всех преград оказалось, что на нашей почве она растет не хуже, чем на иностранной, и даже вытесняет такие исконные плоды отечественного земледелия, как репа.

Можно, конечно, заявить, что репа – это наша скрепа, а картофель нам насадили Госдеп и ЦРУ, но вряд ли подобная глупость кому-то понравится. Так же и с модернизацией:

после прохождения ряда «узких мест» заимствование рынка и демократии прекрасно происходит на отечественной почве.

Теорема успешного развития

По мнению Иэна Морриса, нам помогают лень, жадность и страх

Нам порой кажутся очевидными те ответы на вопрос о причинах развития общества, которые давались великими умами в давно прошедших столетиях. Ну, например, разве не очевидно, что человечество развивается потому, что становится более просвещенным, как полагали в эпоху Просвещения? А для тех, кому не нравятся столь мирные трактовки, ответ на все вопросы дает марксистская теория классовой борьбы: мир развивается, поскольку недовольные борются за свои права. Англо-американский профессор истории и археологии Иэн Моррис в книге «Почему властвует Запад... по крайней мере, пока еще» (М.: Карьера-пресс, 2016) подошел к вопросу совершенно с иной стороны.

Без ложной скромности он сформулировал теорему развития и назвал ее своим именем. Теорема Морриса гласит:

Причиной перемен являются ленивые, жадные и испуганные люди, которые ищут более легкие, более прибыльные и более безопасные способы что-либо сделать. И они редко знают, что они делают. История учит нас, что, когда возникают затруднительные обстоятельства, — начинаются перемены [Моррис

Подобная трактовка исторического развития плохо соотносится с представлениями о созидательной роли королей, президентов, военачальников, просветителей или вождей восставшего пролетариата, но с теорией Макса Вебера ее, думается, вполне можно соединить.

Какой народ нужен для перемен

Естественно, полушутливую «теорему Морриса» не следует воспринимать с унылой наукообразной серьезностью. Речь идет вовсе не о «созидательной роли» всяких обломовых, скруджей и тальбергов. Речь идет о том, что в стремлении обеспечить себе приемлемый образ жизни (без опасностей, перенапряжения и нищеты) люди совершают различные технические, экономические и социально-политические изобретения. Чаще даже заимствуют их у соседей, если видят, что те лучше живут или лучше воюют. Но в любом случае эти изобретения являются продуктом их рациональных действий. Они внедряют в свою жизнь разнообразные новшества не потому, что стремятся к великим целям, а потому что хотят лучше жить, однако все эти преобразования имеют разумные основания. Страх, лень и жадность, конечно, иррациональны, но загнать эти страсти в «дальний угол своего сознания» можно лишь осуществляя осмысленные мероприятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.